

Онтонова помнили хорошо и в устной традиции, и по „Житию“ Сергия.

Наличие в тексте „Сказания“ таких мало известных имен, как Онтон Верблюзин, Василий Капица, которыми назывались купцы, как можно предполагать, действительно жившие в конце XIV века и не встречаемые нами в других источниках, правильное написание имени Ховрина — всё это говорит в пользу того, что „Сказание“ было написано тогда, когда еще хорошо помнили этих людей, т. е. в начале XV века.

Дает материал для датировки „Сказания“ и колебание по различным спискам различных редакций в имени коломенского епископа.

В основном списке „Сказания“ (ГПБ. 0. IV. 22) имя этого епископа — Геронтий. В целом ряде списков Основной редакции, в Летописной и в Распространенной редакциях „Сказания“ имя епископа коломенского — Герасим. В отдельных списках — Галасий.

Чем объяснить эти различия в имени коломенского епископа и какое имя было в первоначальном тексте?

Очевидно, в авторском тексте коломенский епископ был назван правильно — Герасим (в 1380 году коломенским епископом был Герасим, поставленный в коломенские епископы в 1375 и скончавшийся в 1388 году). Во второй половине XV века, при переписывании текста автоматически, по созвучию имен, переписчик ошибочно вместо Герасим написал Геронтий, так как в это время коломенским епископом был Геронтий. Это могло произойти в период между 1453—1473 годами, после 1473 года коломенский епископ Геронтий был поставлен в коломенские митрополиты и уж в это время едва ли его имя могли перепутать с именем епископа Герасима. Такой же путаницей по созвучию имен можно объяснить и появление в некоторых списках имени „Геласий“ (такого коломенского епископа не было вообще). Имя коломенского епископа названо в тексте только один раз, при первом его упоминании. Поэтому замена правильного имени „Герасим“ именем „Геронтий“ вполне могла иметь место. Это была чисто механическая описка, и произойти она могла только между 1453—1473 годами, когда Геронтий был епископом.

Это обстоятельство говорит о том, что „Сказание“ было написано не позже первой половины XV века. О том, что автор близко знал описываемые события, свидетельствует следующее место в „Сказании“.

После битвы Владимир Андреевич серпуховский спрашивает всех воинов о великом князе Дмитрие Ивановиче. Последним на этот вопрос отвечает „юн же юноша, некто Стефан, новосельских князей“. Его ответу уделяется самое большое внимание, и всем этим эпизодом как бы подчеркивается его близость к князю серпуховскому Владимиру Андреевичу. Это не случайно. Яков Юрьевич новосельский был заместителем Владимира Андреевича в Серпухове — под 6882 (1374) годом мы читаем в Воскресенской летописи: „Того же лета князь Володимир Андреевич заложил град Серпухов в своей отчине... заместничество же приказа в граде том Якову Юриевичю Новосилдю, околничему своему“.¹ Стефана в роде новосильских князей не было, но это кто-то из их людей, которые, конечно, служили вместе со своим князем князю серпуховскому, что и нашло отражение в рассмотренном эпизоде.

По мнению многих исследователей „Сказания о Мамаевом побоище“, ряд исторических ошибок и анахронизмов, встречающихся в этом произведении, свидетельствует о позднем его происхождении.

¹ ПСРА, т. VIII, 1859, стр. 21.